

Павел КРЕНЁВ

ТРЕВОГИ СТАРОГО МУРАКАНА

Повесть

Окончание. Начало в № 1, 2026.

Любимая женщина

Михаил Золотухин, первое время опешивший от свалившихся на него и его семью перемен, растерявшийся от лютой несправедливости новой советской власти, за которую сам воевал и проливал кровь, теперь выброшенный из родового астраханского гнезда, силой переселенный в неведомые, холодные земли России, долгое время пребывал в прострации. По вечерам он уходил от людей и, угрюмо уставившись в одну точку, сидел на чужом берегу чужого озера, называемого здесь Мураканом. Поначалу, совершенно растерянный от перенесенных потрясений, он что-то складывал в голове, и мысли укладывались в вырисовывающиеся друг за другом картины.

Вот, в недавней прошлой жизни, он создал и возглавил у себя на Азовском море рыболовецкую артель, удачливую, всегда с богатыми уловами, с веселыми лицами друзей-рыбаков, потому как море это, полное рыбы, совсем рядом... Потом приходили на память сцены из его семейной жизни: вот женушка Меланья натирает ему спину в бане мяконькой ворсистой мочалочкой, вот он резвится с ребятами своими Ваняткой и Наташей около их дома, играют они «в догонялки»... Тогда совсем не нужно было задавать самому себе тревожные вопросы: был ли счастлив он в своей семье, в своем маленьком городке, среди таких же, как он, рыбаков? Он просто жил, как все: строил и построил свой собственный большой добротный дом, сам создал хоть и маленькое, зато свое рыболовецкое хозяйство, сам вязал и покупал снасти и был удачлив по рыбацкой сноровистой части.

Чего достиг он, Михаил Золотухин, не совсем глупый вроде бы мужик, в его тридцать семь лет? Вроде бы не пустая жизнь прожита, та, которая теперь в прошлом: был свой дом, вполне богатый, немалое хозяйство, добрая скотинка, любимая женушка, дети... Были свои поля и луга, табунок лошадей, пусть и небольшая, но зато домашняя отара овец крепкой калмыцкой породы... Немалым трудом завоеванный достаток...

Они с супругой Меланьей никогда на чужое не зарились, старались жить по Божьим заповедям, в мире с людьми и с самими собой. Отчего же люди совсем не следуют этим заповедям? Почему его односельчане, его любимые земляки, пришли к нему и без спроса, без разрешения забрали у него его добро, всё его хозяйство, нажитое тяжелым, иногда непосильным трудом?

Почему мир стал таким безжалостным к его семье? Что сделал он плохого? Чем так прогневал Господа Бога?

Неотвязные эти мысли, словно зловредные черви, глубоко пролезали к нему в душу, как Михаил ни старался прогнать их от себя.

И еще приходили к нему на память и никак не покидали сердце тяжелые, навечно обидевшие его семью сцены наветов и оскорблений со стороны односельчан в последние месяцы пребывания в родном селе: обыски во всех углах его дома, когда чужие, грязные руки словно дьявольские щупальца рылись в его вещах, письмах и бумагах, когда в подвалах и амбарах его дома

копались посторонние люди, нагло и открыто воровали одежду его семьи и что-то вынохивали районные конторские работники. Когда незаконно и бесцеремонно изымали нелегким крестьянским трудом добытое зерно и всякое домашнее добро... В чем провинился перед людьми он, деревенский мужик, всю жизнь с малолетства усердно работавший в поле и на море, ценивший каждую трудовую копейку?

Мысли Михаила Золотухина были несоразмерно тяжелее его покладистой души, всегда готовой к прощению людей, не понявших его, или вдруг обидевшихся на него неизвестно по какой причине, доброй, русской души. Самое тяжелое заключалось в том, что думы его никак не хотели покинуть сердце, измученное тревогами, сомнениями и обидами последнего времени. И душа, всегда легкая, невесомая и радостная, превратилась теперь в холодную, свинцовую чушку, обременяющую его жизнь.

Он сидел по вечерам на заснеженном берегу Муракана, зябко кутался в старый, задрипанный овечий телогрей и отрешенно глядел на пустынный лед. Сегодня в мыслях к нему вдруг пришла жена его Меланья. По общему поморскому обычаю, мужья никогда на людях не хвалят своих жен. Здесь нравы похожие, и сама Меланья это знала, и соглашалась с этим. Поэтому никогда и не требовала от мужа каких-нибудь лишних разлюбезностей – так ведут себя все поморки, строгость на людях – их общая черта. Но в душе он сильно любил ее, и сегодня, сейчас, когда на сердце так беспокойно, Михаил очень бы хотел, чтобы она была рядом. Ему сильно недоставало спокойного и мудрого слова любимой женщины. Слова, способного вдохнуть тепло в его леденеющее сердце, уставшее от человеческой несправедливости и жестокости.

Чудеса всё же бывают на свете! И это так, и это правда!

Михаил услышал за спиной мягкие шаги приближающегося к нему человека. Он узнал их, но не мог поверить своей удаче – неужели она пришла к нему, его Меланьюшка? Он ведь не звал ее сегодня...

– Вот ты где спрятался, Мишанька мой!

Обхватила руками его шею, прижалась всем телом к спине, потом присела рядышком на бревно. И Михаил сразу стал опять счастливым человеком. Как когда-то давно, когда их любовь только начиналась. Они любили посиживать вдвоем на бревнышке и глядеть, и глядеть на темно-синее Азовское море. Тогда было много разлито радости кругом – в небе, в море, на душе... И почти не было проблем.

– Я просто не хочу тебя расстраивать, Меланья, всё ведь так худо кругом... всё нарушилось... Я сильно переживаю за нас с тобой, за деточек... Вот и ухажу сюда, чтобы досаду на тебя не вешать.

Жена вдруг задыхалась часто-часто, взволнованная чем-то, пересела удобнее на бревно, поерзала и подтолкнула мужа, заставила сесть ровнее, чтобы он уселся боком к ней. Он так и сделал, и вот они, словно юная влюбленная парочка, сидят рядышком, прижавшись друг к дружке. Михаил обнял жену за плечи, и она нырнула к нему подмышку, доверчиво плотно прильнула всем телом, как и положено любящей жене.

– Дурачок ты у меня, форменный дурачок. Как ты не понимаешь, что я хочу быть рядом не только ночью или когда за столом сидим, а всегда, во всех делах твоих, хочу помогать тебе, муж мой желанный. Вижу ведь, что тяжело тебе сейчас, мучаешься ты очень... Всё у тебя отняли – дом наш, скотинку, поля, хозяйство... Знаю, Мишенька: еле-еле на белом свете живешь ты по эту пору, кабы не деточки да не я, жена твоя, дак, наверно, и себя бы порешил уж давно...

– Откуда знаешь? Че ты наговаривашь-то на меня, Меланья? – живя теперь рядом с поморами, Михаил уже вполне сносно начинал владеть «поморской говорей».

– Потому и наговариваю, что знаю...

Она опустила низко голову, потом вздернула ее решительно и властно:

– Ты, вот что, любимой ты мой голубеюшко...

Заплакала тут Меланья, и слёзы, застрявшие в горле, мешали ей говорить, помолчала секунду, потом, задыхаясь от волнения в порывистой своей речи, продолжила:

– Ты себя роняешь, сдаешься... Сволочи напали на тебя, завидуют оне... А ты и поддаваться им стал! А ты не сдавайся им! Оне все каблука твоего не стоят, Мишенька, вот что я тебе скажу...

Михаил понимал, что очень-очень любит свою жену, и не было у него сейчас таких слов, которыми можно было бы отблагодарить ее за всю прожитую с ним жизнь, за детей, подаренных ею... За эту минутку...

Пришла, пришла специально, чтобы поддержать его в нужный момент, сейчас, когда всё на свете так худо...

Он тоже заплакал. Сидел, растирал слёзы по щекам. Слёз было много...

– Ты вот что должен понять, Миша, ты не один тут, я с тобой! Я всегда буду с тобой, чего бы ни было, с какой стороны. И деточки наши, с тобой оне, Наташка и Ванятка. Ты видишь, скоко народу тебя поддерживает? Пусть токо нападут, мы им покажем!

Она замолчала и сидела теперь, съжившаяся от апрельской прохлады позднего северного вечера, молодая женщина, недавно приехавшая на север с южных широт.

А муж ее, Михаил Федорович Золотухин, нежно ее любящий, внезапно вдруг со всей очевидностью осознал и разглядел: жизнь его, минуту назад казавшаяся пропащей, совсем еще не закончилась, и здесь, в этих далеких прохладных местах, тоже есть и природа, и красота, и живность всякая, и рыба, и что тут, на этом самом Севере, ему, русскому человеку, тоже, по всей видимости, можно вольготно обитать! И любовь его тоже живет тут! Здесь, наверное, доведется ему радостно, всласть любить свою женушку и своих ребятишек! И дом можно свой построить, и в нем жить-поживать!

Спасительные мысли эти, внезапно ворвавшиеся к нему, словно дружная стайка ласковых белых птиц, уселись на истерзанное сердце, ласково притоптали его и сидели теперь рядочком, чистили друг дружке перышки, терлись бочками и ворковали – нашептывали всякие ласковые трели – мелодии, прилетевшие к нему в эту весеннюю ночь, в эту радостную пору пробуждения всего сущего в жизни. И сердце его, истосковавшееся по созерцанию обыкновенной природы, начинало вдруг опять осознавать: окружающий его мир полон красоты и свежести, он наполнен удивительными красками, этот мир. И он, Михаил Золотухин, готов его принять всей душой и полюбить. И для этого не нужно предпринимать никаких усилий, нужно только вдохнуть его в сердце и там сохранить.

В эту славную минутку еще понял он: несмотря ни на что, на оставшиеся позади, пусть и страшно горькие испытания, потерю милого отчего дома, с жившей в нем вековой памятью о родителях, о далеких и близких предках, с нежными, памятными с детства запахами, утрату тяжело доставшегося ему большого имущества, всё равно нельзя падать духом, надо всё пережить, перемолоть в душе и идти вперед! Ради жены, детей, в конце концов, себя самого ради. Он ведь совсем еще молод и многое может успеть сделать.

Дух народа не сломить

В местах, куда он прибыл, царила страшная необустроенность. Надо было создавать хотя бы временное жильё. И люди принялись строить

бараки. Михаил Золотухин вместе со всеми переселенцами включился в эту тягомотную, но необходимую работу.

Он трудился в тайге, корчевал и рубил лес, обрабатывал бревна, пилил доски, изготавливал брусья, рейки и горбыли, выстраивал и устанавливал строительные леса, крыл крыши, выпиливал нары...

Однако страшнее всего был голод. В дороге и в первое время по приезде людей почти совсем не кормили, и от недоедания, от отсутствия соли у приехавших появилась цинга, шатались и выпадали зубы, рождающиеся младенцы поголовно страдали рахитом. Многие приехавшие почти совсем обессилели. В силу того, что на начальном этапе проживания на Севере вопрос с их питанием со стороны властей не был решен, возникла реальная угроза массовой смерти прибывших людей. В этот драматический момент в русских поморских деревнях впервые с момента их образования возник новый социальный феномен – жуткая нищета населения, страшный голод.

Поморы, сами всегда пребывавшие в относительном достатке, никогда не жили богато, у них не было дополнительных возможностей, чтобы содержать лишние рты, и нахлынувшие к ним спецпереселенцы создавали тяжелую нагрузку на скромные бюджеты населения. Всем нелегко пришлось в первоначальный период пребывания переселенцев на исконных поморских территориях – и местному населению, и приехавшему. Надо учесть также, что российское государство, и без того бедствующее в тот период, не имело возможности оказать выселенному кулачеству хоть какую-то помощь.

Как это неоднократно бывало в российской истории, ошибки государства, создавшего трагедию выселения ни в чем не повинного крестьянства с исторически обжитых мест на чужие территории, пришлось исправлять самому крестьянству.

По словам одной из переселенок, пережившей голод, «отец не разрешал просить. Говорил: “Иди, сделай что-нибудь людям. Если дадут, скажи спасибо. Не дадут – не обижайся, они тебя не звали”. Сам ходил и предлагал чего-нибудь сделать. В домах чаще всего были женщины, и всегда, ругаясь, они крепко нас клеймили. Но отец оглядывал двор и находил для себя дело: закрепит калитку на навесе, набьет и заклинит топор, поточит пилу, поправит беззубые грабли. И всегда хозяйка с благодарностью за сделанное даст что-то. Потом как-то быстро отец освоил поделку грабллок. Это такое устройство для сбора ягод, в основном черники. Поморы их называли еще “ручками”. Хозяйки, узнав, стали заказывать “ручки” у спецпереселенцев и расплачиваться кто чем мог: кто ведро молока, кто – творога, кто рыбину соленую, да не одну, если работа вышла хорошая... А для нас это была большая помощь».

Защитники Родины – спецпереселенцы

Интересной и поучительной выглядит история участия спецпереселенцев, проживавших на Беломорье, в Великой Отечественной войне. По всему видно, что правительство и Сталин опасались привлечь их к участию в боевых действиях против войск Гитлера, полагая, что среди них могут быть массовые случаи дезертирства и предательства, как у людей, несправедливо обиженных. Однако первый год войны показал, что страна терпит сокрушительное поражение в битве против столь изоциренного врага, как вермахт, потому как потери в личном составе были несоразмерно высоки. В срочном порядке потребовалось привлечение всех граждан, способных держать в руках винтовку. Было принято решение призвать на фронт заключенных, осужденных на незначительные сроки, а также спецпереселенцев, сосланных в различные регионы страны. Ушли на фронт и тысячи обитателей спецпоселков, располагавшихся в акватории Белого моря.

Они растворились в массе красноармейцев, воевавших на фронтах Отечественной войны, и делом доказали, что умеют воевать не хуже, а даже лучше многих и многих воинов. Среди героев Великой Отечественной, награжденных боевыми орденами и медалями, множество бывших спецпереселенцев, показавших в боях верность своей Родине. Вот наглядный факт: ни один из бывших ссыльных не сдался добровольно врагу и не покинул без разрешения поля боя. А Юрий Негодов, призванный на войну из спецпоселка Кислуха, за проявленное мужество в числе первых на Северо-Западном фронте получил медаль «За отвагу», что тогда приравнивалось к званию Героя Советского Союза. Это прославило его и всех воевавших спецпереселенцев на других фронтах.

Не только он один – все сражались с доблестью и честью. Девушки и женщины, работницы колхоза «Новый путь» из поселка Кислуха и других спецпоселков, в массовом порядке следом за мужчинами уходили на фронт, сражались с врагом в партизанских отрядах, служили в медицинских частях медсестрами и санитарками. Некоторые из них стали снайперами, лётчиками и зенитчиками, везде и всюду показывая себя с лучшей стороны.

Что касается работы бывших кулаков в тылу, то и здесь они продемонстрировали высочайшее трудолюбие и готовность отдать все силы ради победы над фашистами. Юноши и девушки – подростки – сыновья и дочери «кулаков» заменили родителей у рычагов тракторов, у токарных станков, на многочисленных стройках. Многие из них ушли работать в сферу рыбного промысла и пополнили штаты рыбных заводов и команд рыболовецких судов.

Так же, как и бывшие спецпереселенцы на фронте, труженики тыла из числа бывших кулаков показали себя как истинные патриоты своей страны. А в поселках, куда поселили их в довоенный, первоначальный период пребывания на Севере, им пришлось добывать хлеб насущный в непростых условиях. Спецпереселенцам как воздух была необходима калорийная пища, их тяжелый ежедневный труд этого требовал. С самого начала возникла острая потребность в рыбе, тем более деревня Луда, в которой ютилась часть прибывших «кулаков», со всех сторон была окружена рыбными водоемами с озерной и морской водой, и сам собой напрашивался вывод: надо ловить рыбу и питаться ею.

Люди были готовы подключиться к рыбодобыче, но руководство не шевелилось и не принимало никаких решений. Прибывшие переселенцы продолжали голодать: пища их была более чем скудной и малокалорийной. Среди детей началась и быстро стала усиливаться эпидемия рахита: искривления позвоночника, вздутие животов, сильнейшие поносы... Народ волей-неволей начал реагировать, потек к коменданту с требованиями: «Даешь нормальное питание!», «Прекращай морить голодом!»

Нарастала волна возмущения. Постепенно ситуация стала грозить бунтом. Такого разворота событий никто не ожидал. На Поморье отродясь не бывало таких волнений.

Комендант поселка Водорезов и приданный ему милиционер Малыгин – вот и вся советская власть в поселке Луда – попробовали обращаться к народной совести, пытались, как могли, утихомирить «разволновавшееся кулачье», собрали поселковый сход. Народ пришел хмурый, стоял и угрюмо молчал.

– Вы тут не это... Расшумелись тут... – увещевал Водорезов. – А то ведь мы это, можем и построже...

– Ты пожрать нам дай сначала, потом строжи! – шумел народ.

Не договорились, в общем...

Но местная власть на Севере, то ли она поумнее, то ли похитрее других, умудрилась – и правильно! – разрешить нарастающий конфликт по-свойски, тихонечко, мудро.

Доверительный разговор

На центральной поселковой дорожке самого степенного и рассудительного из здешних спецпереселенцев, Арсения Владимировича Книжникова, повстречал некий незнакомый гражданин с доброжелательными, но строгими глазами и вкрадчивыми манерами. Сразу было видно – средней руки начальник из уважаемой инстанции.

– Здравствуйте, – сказал он тихо, взял под локоток и отвел Книжникова в сторонку. – Хотелось бы с вами помозговать кой о чем. – Тут он тряхнул головой, снизил голос до тихого и перешел на панибратский тон: – Зовут меня Серафим Созонтович, по фамилии именуюсь Пристяжнюк. Представитель власти, так сказать, неважно, впрочем, какой...

– Да уж понятно какой, – с обреченностью в голосе пробурчал в ответ Книжников и насторожился: ничего радостного от этих самых органов, которых теперь боялся весь белый свет, он не ожидал. – Но всё равно приятно видеть вас, товарищ Пристяжнюк, чем обязан?

Книжников постарался сохранить самообладание, но сердечко всё же сыграло, очень не любил он это потаенное племя: вечно с хитрецей, всегда у них «два в уме». Никогда не знаешь, чем закончится разговор, не отведут ли куда-нибудь «за решеточку»? А уж такая простота в любой беседе...

Незнакомец пока что казался вполне разумным человеком.

– Сами понимаете, – завел он уместный разговор, – в Архангельскую губернию привезли много людей, очень много... и в основном народ разный, как правило, разобитый на советскую власть. Поди разберись, кто куда смотрит...

Серафим Созонтович глянул исподлобья на Книжникова, внимательно так посмотрел:

– Ну, вы согласны со мной? – уточнил незнакомец.

– В чем же прикажете соглашаться или же нет?

– Ну, в том, что народец разный приехал.

– Это и так понятно, все по-всякому смотрят...

Собеседник тут оживился:

– А вот я, уважаемый Арсений Владимирович, сильно бы хотел, чтобы мы с вами глядели на многие основные вещи одинаково.

И снова внимательно-испытующе глянул на Книжникова. Тот пока не понял, чего от него хотят, и ответил буднично просто:

– Почему бы и нет... – искренно так ответил, незамысловато.

А Серафим Созонтович вдруг облегченно выдохнул, будто сбросил с себя тяжеленный груз, и заговорил совершенно внятно и размыслительно, даже немного торжественно:

– Понимаете, Арсений Владимирович, органы власти сейчас, в этот ответственный для страны момент, стараются очистить народ наш от чуждого ему мелкобуржуазного влияния. Поэтому товарищ Сталин поднял большевистскую партию на борьбу с кулачеством, которое душит советскую деревню...

Книжников его прервал:

– Постойте, постойте, уважаемый, это я, что ли, душу советскую деревню? Меня ведь, именно меня объявили кулаком и выгнали из родного дома. Если

так, то вы не по адресу обратились, я-то как раз за свою деревню воевал в гражданскую, отбивал ее у белых и отбил. А теперь по вашей милости живу в этих северных местах, а не в своем родовом доме.

Пристяжнюк поздноват, но осознал, что перегнул палку, наговорил лишнего, и начал поправляться:

– Да поймите вы, не про вас я, а про линию партии, которую мне, да и вам тоже, – тут он на несколько секунд расплылся в открытой и доброжелательно-доверительной улыбке, – нам вместе ее надо будет отстаивать всюду и везде...

«Куда это он меня засунуть хочет?» – с тревогой подумал Книжников. Ему совсем бы не хотелось что-то вместе отстаивать с представителем НКВД...

– А вы, Арсений Владимирович, не сомневались бы в правильности действий нашей родной большевистской партии. Вы ведь сами плоть от плоти...

– А чего она, родная, взяла меня да и выкинула из своих рядов на помойку, кулаком вот объявила... Здесь я по ее милости обитаюсь...

По-молодецки подмигнув, Серафим Созонтович выстроил заговорщицкую физиономию и пробурчал-промолвил:

– Да чего уж там, всё я про вас знаю.

Книжников чуть не поперхнулся: кто бы сомневался, что всё известно ему, засранцу, что и он сам коммунист, еще с гражданской...

Арсений Владимирович Книжников, как и другие партийцы, тогда, в ту пору, во времена великих переломов, свято и искренне верил в светлое будущее советской деревни, людям нравились речи и статьи крестьянского защитника, члена центрального комитета компартии Бухарина. Всё у него было просто: чем ты лучше и больше работаешь, тем жизнь твоя будет счастливее. Бухаринская пропаганда убеждала народ, что главный работник на земле – свободный крестьянин – достоин лучшей доли, так как полностью раскрепощенный человек способен обеспечить процветание не только своего хозяйства, но и всего государства Российского. Многие деревенские труженики поверили в эту простую, всем понятную и, должно быть, правильную истину, и поддержали призыв.

Однако такие вот безусловно верные истины не всегда претворяются в жизнь на святой Руси. Некоторым могущественным руководителям показались они тогда преждевременными, так как привносили в сельское хозяйство дух излишней самостоятельности и свободы, зарождали индивидуализм и волонтаризм. Руководителям страны представлялось, что лучше в русском крестьянстве устанавливать порядки коллективности и стадности, а не раздробленности. Эта позиция активно и последовательно насаждалась группой Сталина. Учение Бухарина и его сторонников оценивалось большевистской партией идеологически вредным, а сам он и некоторые его сторонники были репрессированы.

Арсений Книжников, человек крестьянского происхождения, честный и добропорядочный, был чужд всякого партийного противостояния. Он считал так: если ты живешь в обществе, значит, с этим обществом надо всячески взаимодействовать: строго исполнять законы, честно работать и с окружающими людьми вести себя уважительно.

Но теорию Бухарина об уважительном отношении к крестьянину Книжников, будучи сам крестьянского происхождения, одобрял и признавал и был совершенно искренен по отношению к этому партийному деятелю. Арсений особенно активничал даже, когда отовсюду пошли сигналы о нарушениях партийной дисциплины со стороны Бухарина: писал обращения во все инстанции с требованием прекратить нападки на «честнейшего и активнейшего члена большевистской партии...». Обращался он и к самому Бухарину, просил «до конца отстаивать свою правоту перед другими членами

ЦК партии, чтобы те наконец поняли пагубность своих неправильных действий...», но всё оказалось напрасным. Линию Книжникова среди местных партийцев не поддержал никто. В тот краугольный период в деревнях Приазовья шла активнейшая кампания против засевших на местах кулаков. Арсения Владимировича, верного сторонника Бухарина, поверившего в него и подхватившего, как и многие другие, его лозунг «обогащайтесь», начал активно преследовать местный «комбед» – комитет бедноты. Дело было в том, что, выполняя указания партии, Книжников явно переусердствовал: в собственном обогащении он достиг солидных результатов – владел гектарами земли, крупными стадами скота, значительным парком сельскохозяйственных машин. Его раскулачили и вместе с другими приазовскими богатеями вывезли сюда, на Север, и вот теперь все они вместе ждали своей участи.

...Вскоре чекист Пристяжнюк зачем-то, с непонятной целью, собрал на совещание двух человек – Арсения Книжникова и Михаила Золотухина. Вызвал он их на лужайку, что находилась в полукилometре от деревни Луда, на берегу Унской губы, усадил рядом с собой и завел такой разговор:

– Вы что думаете, государство навечно закопало вас в этих болотах? Нет, товарищи, повкальвать вам придется, попотеть, доказать, что да как... А там уж и по домам, только не всем, а кто докажет, что не враг он. А как вы хотели? Даром ничего не дается, уж вам-то этого не знать...

Пристяжнюк развивал свою мысль последовательно и вполне логично, но уж больно фантастической казалась она его собеседникам:

– Наша партия доверяет вам, хоть вы и наказаны... Но это временно... Сами понимаете, время требует строгих мер.

Книжников и Золотухин переглянулись и ухмыльнулись: вот, отец родной приехал, сейчас усыновлять будет и пряники раздавать...

Веселого тона Пристяжнюк не поддерживал, он с суровым видом глядел вокруг и высматривал, куда бы присесть. Нашел поодаль толстенький пенек, уселся на него и пригласил Книжникова с Золотухиным устроиться куда-нибудь рядом. Уселись все.

– Ну, ежели доверяете нам, тогда почто было эти зуботычины от государства да пинки получать? Врагами народа нас сделали... – кипятился Золотухин. – Нельзя было поговорить по-человечески, что ли? Может, мы бы сами всё отдали, мать вашу так! А то вон из домов повыкидывали, как собачонок каких... Хозяйство пораздавали сброду всякому! Обидно же...

– Да, ты бы отдал! Как же! Принес бы добро свое на белом полотенчике: нате вам, господа большевички! Поверил я! – ехидно кривил физиономию Пристяжнюк. – Много чего пораздавали народу кулачки, мать их за ногу, пока их к стеночке не стали ставить да вышвыривать из деревни не начали!

– Вы тоже, не это, не кипятитесь, – пытался вразумить чекиста Книжников, – Михаил судит так, потому как ему обидно, что мы с ним честно воевали за власть нашу, за советску, а она вон как с нами обошлась – отняла всё да и выкинула на хрен из дома родного...

Пристяжнюк поднялся вдруг с чурочки своей, сделал три шага в одну сторону, потом пошел в другую, остановился, поднял голову, посмотрел внимательно на звезды. И вполголоса проговорил:

– Не буду шибко умничать, не знаю я правильного ответа. Одно могу сказать: товарищ Сталин никогда не ошибается. Надо просто делать то, что он говорит, а не выкаблучиваться тут, не строить из себя... Обиделись они... А на обиженных воду возят, вы ж это знаете.

Он закурил папиросу и сделал длинную затяжку. Настала долгая пауза. Чекист отшвырнул от себя окуроч, кашлянул и заговорил вполне твердо, размыслительно:

– Вот что я скажу вам, господа хорошие. У вас тут не праздник, я понимаю, много у каждого на душе накопилось... – Он посмотрел по сторонам, взгляделся в темноту. – От меня тут мало что зависит... Но жизнь, однако, ни у кого не закончилась, надо продолжать ее, и дома надо строить, и землю копать, и детей тоже надо рожать... как без этого?

Присяжнюк разговаривал и поглядывал на собеседников, будто собирался сказать что-то значительное, да не решался.

– Ладно, – высказался он наконец, – приехал я к вам вот по какому делу... Сугубо важному и для вас, и для государства.

Он молчал и хмурил лоб, видно, собирался с мыслями, чтобы сообщить нечто очень стоящее:

– Государство пришло к выводу, что негоже понапрасну растрачивать такие ресурсы, как советское крестьянство. Сейчас вся страна занята колхозным строительством, и мы, тут собравшиеся, не должны стоять в стороне от этой государственной задачи. Надо бы нам подхватить это решение партии. Вы, как старые ее члены, обязаны будете поддержать доброе начинание.

Книжников и Золотухин стояли, раскрыв рты. Просто не знали, что сказать. Оба спросили:

– А что значит поддержать? Чего делать-то надо? Мы же не колхоз тут...

– Пока не колхоз, это да. Вот и надо создать колхоз!

– Ни хрена себе! – то ли возмутился, то ли обрадовался Золотухин. – Опять создавать его! Мы же только что убежали от колхозов этих, и вот опять! Надо ж так!

А Книжников... Было видно, что Книжников, человек, совсем недавно по горло вкусивший и на себе испытывший трагедию деревни, названную каким-то колхозом, сломавшую его жизнь, перевернувшую выверенные старинные крестьянские уклады, вдруг изменился как-то, посветлел лицом и заулыбался. Он давно уже не улыбался, вечно хмурый Книжников, с тех пор, как привезли его сюда, на Муракан. Было похоже, что возврат к бывшим уже в его жизни колхозам, к одному их упоминанию заставил зазвучать в его суровом сердце какие-то романтические нотки, связанные с памятью о теплом Азове, о Родине... Душа его, попавшая в слишком суровые северные условия, желала бы хоть немного отогреться.

– Вот тебе и на! – только и пробурчал он изменившимся, но вполне добродушным голосом и замолчал. Он не понял: чего хочет от него представитель сурового ведомства?

А тот стоял между мужиками, разводил руками и рассуждал:

– Партия послала вас сюда. Много таких по стране собралось в разных углах. И всех выгнали из домов за то, то не хотели идти в колхозы. Так ведь? Чего молчите?

– Ну, так, стало быть... Чего дальше-то?

Присяжнюк не торопился, помалкивал некоторое время. Потом стал выкладывать главное:

– Сейчас в государстве намечаются серьезнейшие изменения. Нас они тоже коснутся, – остановил разговор и внимательно посмотрел на собеседников, – прежде всего вас они и зацепят. – И опять умолк.

Наступила пауза, которую прервал более импульсивный Золотухин:

– Ты не тьяни, Серафим Созонтович, чего от нас-то хочешь?

– Я сюда приехал, чтобы попросить вас, – тут он кашлянул, наверное, от волнения, перед тем как высказать самую важную мысль, – тебя, Арсений, и тебя, Михаил, поддержать меня, поддержать партию и создать здесь, у вас, партячкой и одновременно организовать новый колхоз.

– Вот и ни хрена себе, Мишка, – воскликнул с веселой хрипотцой Книжников, – это у нас, значить, с тобой! Создать партячейку, да и колхоз заодно организовать! Махали мы с тобой сабельками, махали, вроде бы закончили воевать, а нас опять в тот же бой засылают.

– А я вам, сабельники, одно скажу: хватит вам шашками размахивать да бошки свои глупые подставлять куда не след. Много чего вы добились, когда с советской властью боролись?

Михаил и Арсений удрученно молчали с растерянностью во взорах.

– Оба вы коммунисты, мать вашу перетак, и не надо тут слюни пускать, что давно это всё было, мол... – Он встал во весь рост и резко рубанул кулаком воздух: – Вы и сейчас коммунисты! А партийные дела ваши из архива недолго поднять. Да я уж прочитал их. Всё про вас там нехудо написано. И я вышел к вам на разговор не просто так, а чтобы вы меня поддержали.

Он круто, с хрустом в суставах, расправил плечи и почему-то хмуро взгляделся в лица бывших партийцев, настороженно теперь молчавших и пристально на него смотревших, выпрямил шею:

– А не так ежели что, дак и чтобы духу вашего тут не было! Без вас... как говорится...

Книжников хмурился и молчал. Потом высказался:

– Че эт ты серчаешь-то, Серафим Созонтович, мы ведь тебя пока что никуда не посылали? Давай-ко лучше остынь, да поговорим, посудачим, может, чего и решим.

И они уселись втроем и поговорили.

Выяснилось, что идея создавать колхозы не только в исконных поморских деревнях, давно уже претворяемая в жизнь, но и в новых поселках спецпереселенцев, уже продолжительное время прорабатывалась в стране. Это была смелая идея, потому что ее приходилось внедрять в среду людей, по общему мнению, репрессированных советской властью, и спецпереселенцы могли ее не принять. Законодательная нестыковка сквозила тут из всех щелей потому, что создание полноценных советских хозяйств среди репрессированного контингента – кулачества означало возвращение ему всех прав советских граждан, которыми кулачество не могло быть наделено изначально. Другими словами, раскулаченным гражданам требовалось вернуть прежний, законный советский статус, а значит, возвратить назад изъятое у них имущество, а самих репрессированных кулаков вернуть в отнятые у них дома. На это советская власть пойти не могла. И во властных структурах было принято половинчатое решение: не замечать эту юридическую нелепость, пусть всё идет, как началось. В России и не такие штуковины проходили.

– Я тут поговорил кое с кем из руководства, – высказался Пристяжнюк, – и получил такое вот задание: подготовить и доложить соображения насчет руководства будущего колхоза. Их, конечно, будет выбирать общее собрание, но кандидатуры мне указано подготовить уже сейчас.

Сказал так чекист и внимательно посмотрел на Книжникова с Золотухиным. Те сидели и помалкивали.

– Дело новое, – продолжил рассуждения Серафим Созонтович, – люди тоже новые, все из разных мест, друг друга не знают, а ошибиться нельзя. Назначим какого-нибудь дурака горластого, крикуна, мать его... он всё дело испортит, загубит всё. Ни колхоза не будет, ни артели, один треп... Видали мы уже таких деловых... А в вашем деле ошибок делать больше не надо. Дорого она будет стоять, ошибка-то... Тяжеленька... Шея может треснуть.

Он говорил так, а сам поглядывал на собеседников, будто ждал совета от них или, может быть, поддержки. Но не дождался.

– Дак я думаю, чего искать кого-то... Просмотрел списки разные, поизучал... Мне это дело поручили... Понял: лучше вас двоих никого и нету. Вот и вызвал на разговор. Воевали вы, как и я тоже... Оба члены партии. Ну не получилось у вас что-то, дак то не со зла или от лени, а с дури, и вашей, и начальства всякого... А оно и глупым бывает, начальство-то... Знаем мы это. – Он с кислой физиономией ухмыльнулся и обреченно махнул рукой: – Всяко бывает. Потом с этим разберемся.

И ушел отдыхать Серафим Созонтович Пристяжнюк, мудрый человек, старый чекист, доживший затем до конца кровавых 30-х годов и потерявшийся там, в этих годах, в гуще их... Среди сначала по ошибке осужденного, а потом расстрелянного человеческого контингента.

Добрая идея

Известие о необходимости создания на базе Кислухи нового колхоза взбудоражило подуставшие от последних неурядиц сердца неглупых и опытных мужиков Михаила Золотухина и Арсения Книжникова. Давно всё передумавшие и перегоревшие в своих раздумьях, они хотели бы выйти из тупика, в который их загнала неласковая жизнь.

Скорее всего, именно им и придется организовывать и налаживать это новое хозяйство, ведь обоим довелось уже организовывать колхоз на бывшей родине – на Каспии. Говоря честно, и тому и другому в радость были эти новые хлопоты. Каждое утро собирались они, закрывались в строительной бытовке, и там начинался творческий шум: обсуждалась структура будущего колхоза, его подразделения, их функции, штатные расписания... В этом радостном бедламе звучали примерно такие фразы:

– А зачем ты, Мишка, сюда еще единичку засовываешь? Тут хватит трех человек, за глаза!

– А вот тут мы не доглядели, Арсюха, оголили мы энтот участок. Народу в этом месте не хватат! Добавить надоть. Ишши кадру!

И рассуждали они так, начинающие колхозные руководители, и в то же время прекрасно понимали, что все их рассуждения о будущем колхозе пока что не более чем пустые мечтания, прекраснодушная болтовня. У них на тот, самый первый момент, не было самого главного – у них не было ни копейки денег. А без денег какое хозяйство, какой колхоз? Правда, районное руководство понимало это и обещало первоначальную помощь. Но предложило набросать примерную смету с обоснованием конкретных затрат.

И быстро поняли они, что остро не хватает у них спеца по финансовым вопросам, счетовода, по-колхозному. Чего ни коснись, сразу вопросы: сколько стройматериалы на новую ферму будут стоить? Сколько денег надо будет платить рыбаку, доярке, конюху?..

А самое главное: какую смету надо будет представить в район? И кто ее может подготовить и правильно оформить? Абы какую ведь не пошлешь начальству. Там скажут: «Не-ет, с такими неграмотными деревенщинами мы работать не станем!» И зарубят хорошее дело с самого начала.

Тут специалист нужен. Грамотный человек. А такого у них на ту пору не было. Стали думать.

Нужного человека нашел Арсений Владимирович Книжников. Он пошел по самому короткому пути: обратился в хозяйство, уже имеющее опыт финансовой работы – в колхоз имени С. М. Будённого, где уже трудился свой счетовод. Там товарищи отнеслись к просьбе крайне серьезно и надавали огромную кучу советов, как наладить работу. Для Книжникова это сослужило добрую службу, и он навеки подружился с дружественным соседским хозяйством. Контакт с ним оказался полезен еще и потому, что председатель будёновского

колхоза подарил ему в качестве счетовода бесценного человека – своего друга Алексея Ниловича Звонарёва, который всё предыдущее время трудился по финансовой части в нескольких хозяйствах беломорского побережья. Книжников знал некоторых руководителей этих хозяйств. Все дали хорошие характеристики на Звонарёва. Конечно, опытный человек Книжников не преминул поинтересоваться, почему Звонарёв долго не задерживается на должностях. Не склонен ли он к присвоению чужих денег, не скандалист ли? Все характеристики оказались достойными. Однако товарищи предупредили его, что кандидат в счетоводы имеет некоторые человеческие особенности: излишне прямолинеен, не терпит демагогию и вранье, открыто высказывает человеку свое, даже нелюбезное мнение о нем, если так считает.

А Книжникова такая характеристика, наоборот, порадовала. Он сам был такой же и решил: с этим мы сработаемся! И Звонарёв был принят.

Начало положено

Колхоз «Новый путь» был образован через две недели. Его председателем единогласно избрали Арсения Владимировича Книжникова, заместителем – Михаила Федоровича Золотухина, счетоводом – Алексея Ниловича Звонарёва.

Надо тут сказать, что вся история с образованием «Нового пути» и подбором в него руководящих кадров впоследствии оказалась удачной. За короткое время хозяйство превратилось в передовой, процветающий колхоз. Этому способствовало умелое, продуманное руководство им со стороны опытных производственников, опора на опыт других предприятий.

С самого начала существования колхоз получил наименование «рыболовецкий». Другого и не могло быть, потому что все действующие здесь хозяйственные единицы могли полноценно заниматься в этих местах лишь рыбной ловлей. Других производств, приносящих доход, тут не было.

Чтобы смотреть правде в глаза, необходимо понять: вновь пришедших рыбаков никто на беломорских побережьях не ждал. Все уловистые места были традиционно заняты коренными жителями Поморья, не склонными ничем делиться с пришельцами. Поэтому первым делом вновь образованный колхоз повел борьбу за приобретение своих тонь – мест вылова семги. Это оказалось непростым делом, потому что в условиях реального дефицита таких мест нельзя было рассчитывать на добровольную сдачу своих позиций с чьей-либо стороны. Потребовалось нормативное регулирование местных властей. Началось всё с того, что колхозу имени С. М. Буденного было сверху указано «передать во временное пользование колхозу “Новый путь” три семужьих тони».

Указание это было исполнено, и в августе 1932 года решением правления колхоза имени Буденного были переданы на баланс колхоза рыболовецкие тони «Берестянка», «Каховка» и «Подорожная».

Это было самое начало, но надо было начинать хотя бы с этого. И бывшие кулаки взялись за выполнение очень сложной задачи – не умереть с голода им и всему спецпоселку и подготовиться к следующему рыболовецкому сезону. Точнее говоря, надо было дожить-дотянуть до того времени, когда включится в работу весь колхоз «Новый путь» и на своей базе даст возможность развиваться другим хозяйственным направлениям.

Весь конец лета, всю осень и всю зиму 1933–1934 года жители спецпоселка Кислуха готовили зимние запасы: собирали ягоды – голубику, чернику, малину, красную рябину, сушили грибы – красноголовики (подосиновики), моховики, белые, солили грузди, лубяницы, сыроежки... Ловили, кто как мог, всякую рыбку.

Первым делом надо было пережить зиму и не потерять людей.

Подготовленные запасы сильно помогли. Кроме того, кислушане (жители Кислухи), быстро освоившись в северных условиях, научились делать самолосы, плести из конского волоса петли и в частном порядке с успехом ловили лесную дичь (глухарей, тетеревов, куропаток и рябчиков), зверей и зверьков (лосей, рысей, кабанов, зайцев), что прибавляло мяса к столу.

Вместе с тем новые поселенцы налаживали связи с другими населенными пунктами, чтобы закупать продукты, одежду, искать места работы, необходимые для заработка денег. Именно в период тридцатых и сороковых годов расширился, укрепился и получил новое развитие широко известный теперь Онежский тракт, связывавший прибрежные деревни и поселки, начало строительства которого было заложено еще полтора столетия назад. В период отсутствия дорожной сети это был путь, связывающий редкие населенные пункты и монастыри, который можно назвать «дорогой жизни», потому что других дорог не было вовсе.

Созданные спецпереселенцами на Русском Севере колхозы через короткое время стали главенствовать по всем основным экономическим показателям в социалистическом соревновании в масштабе всей Архангельской области. Ими гордились, их ставили в пример. С энергией, свойственной лучшим российским крестьянам, бывшие кулаки привнесли на Север здоровую предприимчивость, хозяйственную хватку, быстрое и эффективное решение вопросов.

Варвара Красовская – новый герой

Она сидела на пригорышке, на самом берегу Невы, что немного возвышался над плоским берегом совсем рядом со стеной Петропавловской крепости. Здесь она часто бывала начиная с самого детства, потому что жила совсем рядом. Тут всегда было тихо и веяло умиротворенностью. К этому располагала вся обстановка: слева, спрятанная в могучих деревьях, возвышалась старинная Троицкая церковь, сзади и справа – вход через ворота внутрь Петропавловской крепости, напротив – река Нева. Но самое главное, к чему всегда неустанно стремилась ее душа – это вид на матушку Неву, которым Варвара могла любоваться вечно. Вид, знакомый с детства, ее завораживал, ее потрясало бесконечное обилие воды, которую несла великая река. Девушку не на шутку волновал один только вопрос: а что там внутри этой огромной массы? Ведь не может же такому быть, что там пустота. Там кто-то должен жить, кроме изредка проплывающих рыб! Совсем еще маленькая, она уже хорошо знала, что все физические науки говорят о том, что пустого вещества не бывает, оно всегда чем-то заполнено. Значит, вода в реке тоже наполнена каким-то живым веществом, везде живут микроорганизмы, способные двигаться, а может быть, и довольно крупные, просто люди их еще не изучили. И Варенька, когда вырастет, будет познавать этот загадочный мир и откроет людям глаза на многие-многие тайны. Если говорить честно, маленькой Варе, наслышавшейся от людей об этих таинственных существах – водяных и русалках, живущих в воде, очень хотелось хоть краешком глаза взглянуть на них, этих дивных созданий.

Этот вопрос не на шутку волновал ее. Однажды в детстве, когда ей было лет семь или восемь, в летнюю пору, в теплое времечко, она купалась вместе с отцом и матерью в Неве на этом самом месте, что рядом с Петропавловской крепостью, и решила исследовать наконец эту волнующую ее проблему.

Девочка поступила просто – когда они втроем купались, она взяла отца за руку и сказала ему: «Хочу увидеть водяного или русалку. Ты помоги мне, пожалуйста». И потащила отца на глубину. Когда вода стала закрывать рот, Варя попросила:

– Папа, держи меня за руку, только крепко держи.

И подогнула колени, присела на дно. Прикрыла ноздри пальчиками, как приказал ей отец. Вода закрыла ей лицо. Ей было страшно открывать глаза, находясь в воде, но она пересилила себя и сделала это. Поначалу ничего не рассмотрела. В воде было почти ничего не видно, только темнота и какие-то тени вокруг. Глаза стало сильно щипать. Наверное, ей мешал страх – так решила Варенька и вынырнула. Рядом стоял отец, рослый, сильный. С ним можно было ничего не бояться.

– Быстро ты на свет Божий вернулась, доченька, что, страшно там, под водой?

– Нисколючко! – весело соврала ему дочка.

Через несколько секунд она отдышалась, набрала в грудь воздуха, слепила вместе перед собой ладошки и булькнулась туда, на дно. Ей нужно было раскрыть тайны реки.

На этот раз Варенька разглядела в воде многое. Например, рассмотрела, что вокруг никого и ничего нет. Ни русалок, ни водяных. Только шевелящиеся на дне песчинки да пузырьки воздуха, да кое-какой мусор, проплывающий мимо... Даже рыбы не плавали...

– Вот это да! – стояла она потом в воде и размышляла. – А где же подводный мир с рыбами, раками и густыми водорослями, в которых прячутся всякие страшные существа?

Их не было вокруг, их просто не было. А была и в Петрограде, и повсюду, по всей стране, одна только суровая реальность, в которой власть принадлежала рабочим и крестьянам.

Наконец, решила, что ей еще просто рано заниматься научными проблемами, надо подождать и подрасти...

С тех золотых девчоночьих времен минуло много лет. Она давно уже вполне самостоятельный человек. Учится на биологическом факультете Ленинградского университета. Четвертый курс, отличница, скоро получит специальность ихтиолога. Она не бросила свою мечту – изучать подводный мир, стать специалистом в этой сфере, чтобы объединить два самых близких для человека мира – земной и подводный. Ее направил на этот путь отец, профессор Филимон Гаврилович Красовский, известный ученый в области электричества, уважаемый в стране человек. Именно он познакомил дочь со своим «лучшим», как он его представил, учеником – Леонтием Звонарёвым, тоже студентом университета.

Филимон Гаврилович, добрейший человек сугубо крестьянского происхождения, терпеть не мог интеллигентных выскочек и всегда искренне боялся, что дочь его влюбится в какого-нибудь хлыща, приведет его к нему в дом для постоянного проживания и скажет:

– Папа, это мой избранник.

Именно с этого места начинался обычный для многих семей леденящий душу сюжет, когда папе, то есть ему, Филимону Гавриловичу, пришлось бы выпрыгивать в окно, убежать из дома или уйти в запой и никогда из него не выходить, лишь бы только не жить рядом с хлюстом – «сыном богатеньких родителей». Знал он их достаточно и считал, что все они – последние придурки, отъявленные бездельники, тунеядцы, не имеющие понятия, как зарабатываются деньги, а только сидящие на родительских шеях с наглými, довольными мордами.

Его большая удача в том, что зять ему попался совсем не бездельник, а, наоборот, настоящий трудяга, этот самый Леонтий Звонарёв. И, как потом оказалось, настоящий русский мужик.

Филимон Гаврилович быстро его распознал, а как узнал, так и обрадовался: слава Богу, Вареньке с ним будет покойно и привольно. Лишь бы сама не

сглушила, не выпустила из рук. Молоденькая ведь совсем, все они дурехи в эту раннюю пору... Не зануда какой-нибудь, а человек рассудительный, хоть и молодые у него годы, а уже достаточно степенный. Лишнего слова не скажет, говорит с расстановкой, слегка замедленно. Зато всякое лыко у него в строку, всё у него разумно. Да и посмотрите вы на него: не стыдится братья за любую работу. Чтобы не сидеть на родительской шее, по вечерам вагоны взялся разгружать, два раза в неделю таскает мешки и ящики на продовольственной базе, что на железнодорожных путях. А ведь студент! И учиться как? На загляденье! И времени ему не жалко, и силушки... Ничего, парень крепкий, выдюжит. Из таких-то начальство и вырастает. А доченьке его Варюшке вот такой мужичок и нужен: чтоб силенка была, и голова чтоб на месте держалась!

Правда, узнал Филимон Гаврилович, что у замечательного его студента Леонтия Звонарёва родителей-то и нету совсем: раскулачены они и отбывают ссылку где-то в Архангельской области. Разузнал этот удручающий факт Красовский от представителя кадровой службы Николашки Ивановского, лысого, маленького человечка, всезнающего проныры, откровенного стукача, которого презирал, но и побаивался весь институт.

Вот этот самый факт его сильно заинтересовал и озадачил: что означает это слово – раскулачены. Какое-то оно подозрительное, чем-то попахивает, словечко это... чуть ли не враждебным по отношению к государству и народу.

Выяснять что-либо у источника слухов, Николашки, Красовский посчитал ниже своего достоинства: мало ли какие нелепые слухи может разносить этот распоследний подонок?

И подумал тогда отец: что же делать-то? Чтобы и дочке не навредить, и зятю тоже. И отношения в семье сохранить для будущей жизни. И решил он: надо собрать семейный совет. И собрал.

На семейный совет этот пришли: сам Филимон Гаврилович, его супруга Мария Ивановна, их зять Леонтий Спиридонович Звонарёв, а также их дочь Варенька. Послушали мнения сторон и решили: откомандировать для встречи с сосланным семьей Звонарёвых двух человек – Леонтия и Вареньку, чтобы решить все вопросы на месте.

Решение семейного совета сформулировалось далеко не сразу. Активнее всех против выступала Мария Ивановна.

– Я настаиваю, – звонко убеждала она семейство, – что Вареньке совсем не нужно ехать в какую-то неизвестность. Мы ведь совсем не знаем, что это такое, этот Северный край. Там наверняка очень холодно, и там медведи ходят... Я сама читала...

Филимон Гаврилович в душе соглашался с супругой: какие там могут быть условия для его любимого чада? Конечно же, нет там никаких условий... Однако он давно уже размышлял о том, что дочь вырастает в слишком тепличных условиях, совсем не соответствующих реальному положению дел в стране, а ведь надо выстраивать жизнь и свою, и семьи. Хорошо еще, что муж достойный ей попался.

Какими же простаками все они были, почтенное это семейство Красовских! Образно говоря, они вознамерились переходить вброд речку, не зная ее глубины. Близкие люди отговаривали:

– Филимон Гаврилович, это неосмотрительно – отправлять доченьку свою в столь опасное путешествие, к каким-то уркаганам за тридцать земель... Что за глупая у вас романтика, там ведь что угодно может случиться!

– А что может плохого случиться в пределах советской власти? Как известно, она самая надежная из всех ныне существующих в мире. И самая справедливая. Вы же не можете это оспаривать, друзья мои дорогие? Не получится у вас. А что касемо родителей нашего Леонтия, тут явно имеет

место перегиб, обыкновенный глупый перегиб. Ну, было у них на две коровенки больше, что кому-то показалось перебором, так это само по себе страшная глупость. Кто считал этих коровенок? Сколько их много, сколько мало? А если один крестьянин способен держать, скажем, пятьдесят коров и приносить нашему государству в пятьдесят раз молока больше, чем остальные? Кому от этого хуже будет? Государству – нет, мне – нет, тебе тоже нет, тогда кому? Крестьянину надо дать возможность свободно трудиться на своей земле! И в этом вся правда!

Помолчав маленько, он добавил:

– Пусть едут ребята, напитываются опытом! В жизни надо всякое испытать!

Он крепко распалился, профессор Красовский, в своих романтических взглядах. Всегда он так сильно нервничал, когда отстаивал собственную правоту.

В конце концов Филимон Гаврилович растрогался, распахнул руки и позвал:

– Ну-ко, дети мои, Ленька да Варька, подойдите ко мне, благословить вас хочу на поездку в неблизкие края.

В волнительные моменты он иногда почему-то именовал зятя Ленькой. Тот не обижался, а лишь добродушно улыбался: пускай именуется как хочет, ведь за этим не стоит ничего плохого. Он любил тестя, как любил всё его семейство, и от общения с ним всегда ощущал расходящееся по всему телу тепло.

И уже со всей серьезностью Красовский встал напротив молодой четы, возложил на них рукотворный крест:

– Благословляю во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

Трудное решение

И молоденькая чета в самом деле скоро отправилась в неизведанное, далекое и наверняка опасное путешествие, в мало им понятный, загадочный и, скорее всего, дремучий край, издревле именуемый Поморским Севером, куда оказались сосланными родители Леонтия Звонарёва. Как там живут люди, какие они, эти самые поморы? О них мало кто слышал что-то вразумительное. Даже Филимон Гаврилович, один из интеллигентнейших людей Ленинграда, человек сугубо занятый и увлеченный своим электричеством, мало интересовался российскими окраинами и не очень-то разбирался в поморском своеобразии: как они выглядят, как одеваются? Не совсем ли они дикари? Говорят, носят тюленьи шкуры... Правда, слышал он о Ломоносове, который тоже относился к поморам. Вот уж интеллигент так интеллигент! Но ведь это, наверное, исключение из общих правил. В общем, появились у профессора серьезнейшие сомнения, правильно ли он делает, что посылает свою дочку Бог знает куда? Скорее всего, неправильно.

И он хотел уже отговаривать молодых от этой опасной поездки, когда в августе 1948 года прочитал в академическом еженедельнике сообщение о том, что всем «кулакам» объявляется амнистия и им разрешается уезжать домой.

Это был выход из непростого положения. Его озадачило только то, что решение по кулакам имеется, но оно не обнародовано, мало кто слышал о том, что можно покидать места ссылки и уезжать домой. Государственным решением бывшие кулаки освобождены, но об этом решении никто не догадывается, и люди остаются в ранге сосланных, а не освобожденных, и почти никто не возвращается домой. Какая чудовищная нелепица! Почему так получилось? Что произошло? Красовский еще раз внимательно просмотрел текст правительственного решения и обнаружил причину его неисполнения властями. Внизу постановления была маленькая приписка: «Не для опубликования в печати».

Вот почему никто не торопился исполнять правительственное решение. Оно как бы и есть, а с другой стороны, его и нет совсем. Его не обнародовали, скрыли от народа, о его выходе умолчали. И люди долгое-долгое время не знали, что они давно свободны, и жили в затворе, не смея вернуться в родные дома, откуда их незаконно выселили.

Возникает вопрос: почему? Ведь речь идет о миллионах незаслуженно обиженных и погубленных людей. Не извинились перед ними, не попросили публично прощения, а потихонечку, скрытно отменили старое постановление и выпустили новое с лукавой припиской: «Не публиковать в печати». Мол, вышла у нас ошибочка, дорогие граждане, погубили мы ненароком миллионы народу, теперь извиняемся за это. С каждым такая промашка случиться может, строго не судите...

Профессор Красовский, старый русский интеллигент, разобравшись в ситуации, принял такое решение: он вручил дочери и зятю текст правительственного постановления от 1948 года и отправил детей к месту ссылки родителей зятя с рекомендацией: показать его всем встречным страдалцам, объявить, что они свободны и могут уезжать домой. Конечно, его тревожило то, как встретят детей его те неизведанные места, не обидят ли там дочку его, Вареньку, неокрепшую, не вкушившую настоящих жизненных передряг? Но успокаивало его то, что Леонтий Звонарёв, уже ставший его зятем, производил на него самое благоприятное впечатление своей степенностью, собранностью и силой. Такой не даст в обиду его дочку и за себя сумеет постоять.

Был, правда, не до конца решенный вопрос о точном местонахождении сосланных «кулаков» Звонарёвых. Судя по письмам, полученным от них, пребывали они в Архангельской области – ну, это было и так понятно. Далее следовал номер какого-то почтового ящика и загадочное обозначение: «Кислуха». И Леонтий с Варей, и родители их головы сломали над расшифровкой этих загадочных знаков. Некоторую ясность внесло письмо от Спиридона Яковлевича Звонарёва – отца Леонтия. Он, как бы между делом, в письме указал: «Захотите ближе узнать, что да как, не ищите нас по карте, ни на одной карте мы не обозначены. Мы живем-поживаем на берегу озера Мураканского, что рядом с Унской Губой Белого моря. Это территория Онежского полуострова. Поселок наш называется Кислуха. Если бы не наше положение, это место можно было бы назвать красивым».

Эта короткая приписка, пропущенная цензорами, спасла ситуацию и помогла разыскать в бездне разбросанных по России спецпоселений место обитания родителей Леонтия Звонарёва.

И грусть, и радость...

Всё это было когда-то и быльем теперь поросло. Но не столь уж густое оказалось это былье, и память свободно просеивается сквозь его густоту и дает о себе знать...

Он – сынишка, счастливо избежавший тогда участи оказаться вместе с отцом и матерью в кулацкой ссылке – уже давно, очень давно, с 1931 года, жил-поживал у своей бабушки Ольги Алексеевны Звонарёвой в городке Валдай Новгородской области. Его родителей, как кулаков, отправили в Архангельскую область, а он остался, потому как было ему тогда от роду несколько дней, и по возрасту младенец не подлежал политической высылке. А бабушка приняла его с любовью, и пронесла она эту любовь через всю их совместную жизнь.

Вот минуло уже двадцать с лишним лет с той поры. Умерла три года назад бабушка, сам он, Леонтий Звонарёв, превратился в статного молодого мужчину, был на последнем курсе Ленинградского университета. Родителей

своих он совершенно не знал, да и не мог знать – так уж получилось. Конечно, грустил он о том, что их нет в его жизни. И понимал, что без отца и матери любая жизнь неполноценна. Но бабушка всё время ему толковала, что живы они, но находятся в какой-то очень длительной командировке, но придет время, и они вернутся к нему. Вернутся! Узнал об этом Леонтий уже в подростковом возрасте и довольно быстро отыскал их следы. Оказывается, живут они на Севере, как раскулаченные крестьяне, сильно любят его и ждут с ним встречи. Вот только из поселка, где они живут, их не выпускают. Но всё же есть надежда, что скоро выпустят: им это обещали. Он послал им фотографии, свои и жены Варвары. Родители отвечали, что «Варенька очень всем понравилась, что они полюбили ее всем сердцем!»

Леонтий не на шутку взволновался и начал трубить во все трубы, что ему необходимо повстречаться с родителями!

Ответы из инстанций, куда он обращался, были вежливыми, но уклончивыми: «В настоящее время мы не можем решить ваш вопрос положительно...» Ответы продлевали надежду: «Мы подадим ваш вопрос на вторичное рассмотрение, и, возможно...»

В конце концов Варвара и Леонтий с очевидностью поняли, что их элементарно водят за нос и тянут время. И прекратили бесполезные обращения.

Глухая защита

Они долго сидели по вечерам и разглядывали карты Советского Союза и Архангельской области, силясь найти в Белом море сначала Онежский полуостров, затем озеро Мураканское, а потом уже и поселок Кислуху. Нашли только полуостров, а вот ни озера с тем названием, ни поселка не разыскали. Знающие люди подсказали, что если место именуется как поселок, а не обыкновенная деревня, то это скорее всего закрытая зона: или там находится воинская территория, или тюремная. В любом случае никто никаких справок о ней не предоставит. А на картах искать эти объекты бесполезно, их просто нет на советских картах, они нигде не обозначены.

Это была глухая защита. Советский Союз закрылся от внешнего мира сплошной стеной молчания, секретов и тайн. Ни одна мышь не просачивалась сквозь эту стену. Наверное, это было разумно, потому что молодой Союз только начинал выстраивать свою государственность и, находясь в окружении врагов, искал способы ее защиты.

– А что же нам делать? – спрашивали они в тех инстанциях, куда обращались. – Мы хотели бы увидеть своих родственников, поговорить с ними. Может быть, им нужна наша помощь?

– Нет, пока это невозможно. Приходите как-нибудь потом. Вам сообщат, когда это можно будет сделать.

Таковы были стандартные ответы на любые их просьбы. Но Красовские хорошо знали теперь, что государство уже разрешило свободный выезд спецпереселенцев из спецпоселков, хотя людям об этом еще не сообщили. Они точно понимали, что им надлежало делать: надо срочно ехать на место обиталища Звонарёвых, в поселок Кислуху, что на Онежском полуострове Белого моря, найти их и вернуть домой из проклятой ссылки. Просто-напросто привезти, как свободных людей.

– Дорога будет непростой, – такое напутствие дал отец семейства профессор Филимон Гаврилович Красовский, – надо хорошо подготовиться.

Человек, много путешествовавший, прекрасно представлявший, какие препятствия могут возникнуть в пути, он сильно помог Леонтию и дочке своей Варваре собрать самый необходимый скарб в дорогу, внимательно осмотрел

его в присутствии молодых людей и даже проэкзаменовал их еще раз, на всякий случай, как пользоваться маленьким походным примусом, подробно рассказал Вареньке, как приготовить наваристую уху из северной рыбы, на каких травах и как заваривать в походе чай... Это была полезная лекция умудренного опытом профессора.

Особое внимание он уделил одежде и обуви.

– Надо добиться того, чтобы тело и ноги были всегда в легкой прохладе. Так они не будут потеть, но и забнуть тоже не будут...

Опасная дорога

И вот они поехали. Сначала путь их лежал по железной дороге. Маршрут: Ленинград – Архангельск. Поезд шел неторопко, за окном проплывали серенькие здания железнодорожных станций, редкий и густой лес, и повсюду повсюду лесоразработки, штабеля бревен, досок и горбылей, полуоборванные люди с пилами, топорами, бытовки лесорубов... Лесной край... Всероссийская лесопилка...

Стране нужны деньги, чтобы укрепиться, расправить плечи, организовать свою промышленность. Государство разворачивалось в первых пятилетках, набирало силы, чтобы затем побеждать врагов. Вот для этого сюда было согнано со всех углов страны множество народу. Совершенно разного, в основном босяцкого, неумытого, бестолкового... А какой еще народ может быть в стране с послевоенным, недостаточно образованным народом, только что пережившим повсеместное неустройство, дикость и жестокость двух последних войн? Повсюду вдоль дороги видимые невооруженным глазом всплески человеческого горя и народного беспокойства, во всех проплывающих за окном картинах отголоски людской неуспокоенности, везде царит непонимание происходящего. Леонтий стоял в вагонном коридоре и невольно наблюдал картины народных тревог. Пассажиры очевидно волновались по разным поводам: о расписании, которое постоянно нарушалось, о пассажирах, которые вдруг вышли на полустанке и не вернулись вовремя, опоздали... о том, что рыба в буфете с душком...

Но больше всего людей волновала тема грабежей и убийств пассажиров поездов, следующих именно по этому направлению.

– Сам я видал, – рассказывал пожилой пассажир в очках с выпуклыми линзами, – вот в этой самой зоне, где сейчас мы едем... Выработки леса, тут, многие километры... темные места... Болота одни кругом. А лесорубы-то, они кто есть? Да там половина бандитов и есть! Рвань всякая. Народ разный затолкался в поезд, много урок проникло в него, заключенных, значит, гулянки начались по вагонам да пьянки. Насильничать баб стали... А милиции никакой. Страх что было... Грабеж пошел открытый! Врываются они в вагон, особенно в купейный, закрываются в одном купе, потом в другом... Тащат чего только можно, женщин, хорошо одетых, раздевают чуть не догола. И беготня... Жулики с награбленным барахлишком туда-сюда шастают, чтобы спрятать, значит, то, что стырили у пассажиров... А что? Бабы орут! Визгу от них... паника, короче! Страшное дело!

Вспоминая ту прежнюю историю, мужчина разволновался, заозирался по сторонам и, втянув шею в плечи, начал вдруг разговаривать свистящим шепотом:

– А сейчас-то, думаете, лучше стало? Вот у нас в вагоне, к примеру. Оглянитесь-ко, где они, эти мили-цио-нэры? Сами спрятались по углам, чтобы не кокнули их... А то ведь... их-то в первую очередь...

Леонтий с Варварой стояли в коридоре, глядели в окно и слушали вагон. Везде нарастал страх. В самом деле, где гарантия, что в их вагон не ворвется толпа диких уголовников и не начнется грабеж? Конечно, зря они не придали

должного значения предостережениям Филимона Гавриловича, разумного человека, который во всем разобрался заранее и правильно их предупреждал. Но пока всё было спокойно, поезд потихоньку, монотонно шлепал по рельсам и как будто успокаивал пассажиров. Колеса говорили людям: «Всё тихо – всё тихо, всем спать – всем спать...»

И молодые люди под эти умиротворяющие звуки на самом деле задремали. Они сидели потом друг против друга, и дрема уже поселилась на их молодых лицах. Редкие огни керосиновых ламп железнодорожных сторожек и охотничьих избушек, встретившиеся в пути, слабо просвечивали сквозь их тусклые окошки и давали хоть какой-то свет идущему навстречу поезду. Этот редкий, неяркий свет рождал понимание, что здесь, в этих гиблых, черных местах глухого Севера, переживших войны, страшный голод и разруху, несмотря ни на что, всё еще теплится жизнь.

Они засыпали. И мечтали о том, чтобы гибельный послевоенный кошмар в уставшей стране наконец закончился.

И вот посреди ночи кошмары вернулись. Леонтий и Варвара мирно спали на своих плацкартных местах, когда с двух сторон их вагона раздалась громкие команды:

– Всем оставаться на местах! Идет проверка купленных билетов!

Но вместо проверки началась процедура обыкновенного грабежа. По вагонным коридорам пошли воры. Они подходили к купе, два человека заходили вовнутрь, один оставался на входе и преграждал путь всем, кто хотел бы выйти или зайти. А внутри купе начинался кошмар: бандиты вытрясали из людей всё ценное: деньги, документы, золотые украшения... Тех, кто пытался прятать свои ценности, жестоко избивали. Награбленное сбрасывали в мешок, который стоял посреди купе. С боковой лавки вскочил ненароком проснувшийся какой-то лысенький мужичок, быстро выхватил из-под подушки здоровенный маузер и, задрав его кверху, заорал:

– Я начальник милиции Няндомского района Поляков. Что тут за беспорядок происходит? Всем приказываю поднять руки и сдатьсь!

Бандит, который ощупывал лежащую на койке полную женщину, видно что торговку, и молча рылся в ее узлах привычными, профессиональными движениями, маленько отвлекся от своего рутинного воровского занятия, развернулся и нанес Полякову прямой удар в лицо, одновременно при этом ухватил пистолет за ствол и вырвал его у владельца. Удар был сильный, отчего милиционер охнул и осел на пол, не сказав больше ни слова.

Леонтий от неожиданности момента в первые минуты растерялся и не мог сообразить, что же ему делать в такой ситуации, в которой он в своей жизни ни разу еще не бывал?

Бандит, орудующий в их купе, тем временем поднял с пола мешок и как бы изготовился выходить, но вдруг остановил взгляд на Варваре, схватил ее за руку и стал вытаскивать из купе.

– Пойдем, – сказал он хрипло, – порадуемся жизни...

Это было уже слишком... Крестьянский сын Леонтий вдруг озверел – бандитская рожа посягнула на его смысл жизни, на его самую главную ценность, на его любовь!

А он был крепкий парень – Леонтий Звонарёв. И, не говоря ни слова, фамилии, как говорится, не спрашивая, он сильно врезал по бандитской роже. Удар пришелся немного вскользь, оттого что вагон в тот момент сильно качнуло. Но левая рука осталась в положении «на изготовку», и через несколько секунд он хорошо добавил ею по бандитскому черепу. Потом добавил еще. Бандюган вывалился за дверь в коридор и остался там лежать, пока его не оттащили сообщники.

Другие бандиты, орудовавшие в поезде, не шибко-то стали воевать с Леонтием. Нападая на людей, они всегда боковым зрением остро контролируют обстановку, и в опасных ситуациях быстро покидают места драк. Тут произошло то же самое. Правда, урки всё же предприняли неожиданную атаку на купе – трое бандитов, уже отступая, вдруг резко рванулись вперед, к двери – но им загородили путь пассажиры, осознавшие, что эски не всесильны. В ход пошли кулаки, острые женские ногти и всё, что попало под руки: чашки, стаканы, половые тряпки... И еще одно женское оружие было пущено в ход – пронзительный визг, который подхватил весь вагон. И уголовники ретировались. Их провожали тумачами и громкими женскими криками. Таким образом, проявленной решимостью Леонтий Звонарёв спас от бандитского разграбления весь вагон. Но главное, что ему удалось совершить, это спасти от притязаний уголовного любимого человека – юную свою женушку.

Они доехали на поезде до Архангельска, затем по Онежскому тракту на перекладных лошадаках добрались до Пертоминска. Потом за небольшие денежки местный рыбак на карбаске довез их до противоположного берега Унской губы, показал направление, куда следовало шагать. А там уже и долгожданная Кислуха! Место, где живут родители Леонтия!

Этого волнующего момента он ждал много-много лет. И вот он пришел к нему, желанный этот миг! Хозяин карбаска указал тропинку, по которой нужно было шагать до поселка. Леонтий крепко взял в свою ладонь теплую ладонь Вареньки, и они пошли.

И вправду, не столь уж много довелось им прошагать, как сосновый лес стал расступаться, потом распахнулся совсем, и раскрылся перед ними большой поселок со многими крепкими, из толстых бревен, домами и добротными крышами. Сомнений у молодых людей больше не возникло: это и есть та самая Кислуха! Других поселков в округе просто не было.

В конце дорожки, перед входом в людские жилища, сидел на пенечке какой-то мужичок. Тихо сидел и смотрел на дорожку, по которой они пришли.

Что-то очень родное проявилось в его фигуре... Леонтий узнал его... И спросил:

– Вас ведь зовут Спиридон Яковлевич, не так ли?

А тот внимательно взгляделся в него, приподнялся с пенечка, и вдруг ноги его подогнулись, он с трудом сделал маленький шаг вперед и присел на песок, на котором стоял:

– Ленюшка, это ты? – спросил.

– Я, папа, я.

И они обнялись и, сидя на песке, зарыдали оба. К ним присоединилась Варвара. И в полутьме зазвучали голоса:

– Как же ты узнал-то меня, отец? Ведь не виделись ни разу.

– Как да как... Да по духу по родному, дух-то наш семейный никуда не делся ведь! Ты ведь родня мне, сыночек мой! А голосок-то твой, голосок-то! И батя мой звучит в нем, и дедушко... Да и я, грешный, тоже, наверно, имеюсь там, хошь и не различаю ничево.

Спиридон Яковлевич сидел на песочке, обняв одной рукой сына за плечи, другой размахивал и размазывал по лицу слёзы. Его распирала радость.

На другой день Спиридон Яковлевич с самого утра повел сына в колхозную контору. Там, в кабинете председателя колхоза, он собрал всех, кто был в правлении, усадил на стулья и зачитал привезенный гостями из Москвы документ:

«Приказ Министра внутренних дел Союза ССР

Содержание:

№ 00976. Об отмене особого режима и о снятии ограничений с бывших кулаков, расселенных в Архангельской области.

14 августа 1948 года, город Москва.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР № 2960 от 10 августа 1948 года –

Приказываю

Начальнику УМВД по Архангельской области полковнику Быкову:

а) отменить особый режим и снять ограничения с бывших кулаков, расселенных в Архангельской области, и выдать им паспорта на общих основаниях;

б) передать УМГБ по Архангельской области все необходимые документы по бывшим кулакам.

Начальнику отдела спецпоселений МВД СССР полковнику Шияну проследить за выполнением настоящего приказа.

Об исполнении доложить МВД СССР к 1 октября 1948 года.

Зам. Министра внутренних дел Союза ССР

Генерал-полковник И. Серов»

Текст ее, лаконичный и точный, произвел впечатление разорвавшегося снаряда. Он мгновенно был размножен, разошелся по тетрадкам, листикам и листочкам, по книжкам, на которых между печатных строк втиснуты были строки правительственного постановления. Люди, тысячу раз обманутые всяческими слухами, сарафанной почтой, огрызками подслушанных разговоров, прочитали настоящий текст сталинского указания и наконец поверили в его реальность.

Странно было видеть народную реакцию на этот долгожданный документ. Большинство радовались. Глубоко и искренно. Многие плакали от счастья, которого так долго ждали.

А многие ставшие теперь свободными гражданами не знали, что теперь делать, куда ехать? Ведь дороги, которые остались позади, надо теперь как-то распутывать, а как распутаешь их, если в оставленных деревнях, станицах и хуторах уже нет твоего дома, там живут люди, предавшие тебя, способствовавшие твоему раскулачиванию, втайне надеющиеся, что ты сгинешь в северных болотах и никогда не вернешься домой.

Всякое было у людей на душе. Но в целом народ был рад, что все-таки наступили времена добрых перемен.

Получилось так, что именно Леонтий и Варвара первыми привезли очень важный для Кислухи документ, и люди всё подходили к ним и подходили, и благодарили за доброе дело, которое они совершили.

И все опять плакали. Но это были совсем другие слёзы, это были слёзы радости...

Супруги Леонтий и Варвара сидели на берегу Мураканского озера. Вечерело. Они смотрели, как вечернее солнце медленно-медленно прошлось по кончикам стоящих на другом озерном краю высоких елок, потом, катясь к самому краю, высветило просветы между ними, и вот застряло в густоте стволов толстых сосен. Оттуда, из их тени, солнышку уже не хватило сил выбраться и приподняться над горизонтом, и оно потихоньку скатилось вниз по стволам деревьев и спряталось в тех местах, где основания лесин сливаются с темными лесными пригорками, отчего вершинки тех пригорков окрасились в золотистый цвет. Где-то в тени чернеющего вдали леса кричали полусонные утки. Древний Муракан засыпал.

– Хорошо-то как... – сказала Варя и положила голову на плечо мужа.